

Анатолий Зарецкий

Юбилей

Рассказы

Анатолий Зарецкий

Юбилей

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Юбилей / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

И почему люди радуются, что уходит жизнь?..Тогда почему, вопреки здравому смыслу, несчастному юбиляру всё намекают и намекают о близкой дате и устраивают-таки пышный праздник — в семье, на работе, а то и, страшно подумать, в масштабах родного города, страны и даже «всего прогрессивного человечества».И вот стоит он перед вами, «словно голенький», смущенный повышенным вниманием к своей персоне, огорченный мыслями о «бренности и неизбежности», и с удивлением узнает, какой он замечательный.

© Зарецкий А.

© Издательские решения

Содержание

Юбилей	6
Лагерь военнопленных	18
Брат мой Сашка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юбилей
Рассказы
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юбилей

День рождения... Круглая дата – юбилей... Это знаменательное событие — веха на жизненном пути. Одна, две, три, – сколько их осталось, прежде чем очередную отметят без меня, если, конечно, будет кому отмечать?..

И почему люди радуются, что уходит жизнь?.. А разве нет?

Тогда почему, вопреки здравому смыслу, несчастному юбиляру всё намекают и намекают о близкой дате и устраивают-таки пышный праздник – в семье, на работе, а то и, страшно подумать, в масштабах родного города, страны и даже «всего прогрессивного человечества».

И вот стоит он перед вами, «словно голенький», смущенный повышенным вниманием к своей персоне, огорченный мыслями о «бренности и неизбежности», и с удивлением узнает, какой он замечательный. Приятно, конечно, но...

«За выдающиеся (за большие) заслуги и в связи с n-летием, наградить... имярек... а далее перечисляются почетные звания, ордена, медали, ценные подарки, денежные премии или, на худой конец – всяческие благодарности, а то и просто благостные пожелания».

Соответствующее «Постановление...», «Приказ...», или просто красочный листочек (иногда в стихах, но непременно с подписями соратников) помещают в красивую папку – «адрес» – зачитывают на торжественном собрании и вручают юбиляру.

Аплодисменты-аплодисменты-аплодисменты!

Ну, а потом... И чего только ни бывает потом... Скромный чай с тортом прямо на рабочем месте. Банальная пьянка все там же. То же, но в ресторане или по-семейному – на квартире юбиляра. Да мало ли, где!..

А еще подарки!.. Но это особая статья...

Юбилей нашего начальника отдела Бродского, к примеру, прошел, как событие Вселенского масштаба. С утра коллектив отдела полным составом поздравил юбиляра цветистыми речами и дорогущими подарками. Ему вручили поздравительный адрес и паспорта от импортного цветного телевизора и такого же музыкального центра, – невиданная роскошь первых лет «перестройки».

Кроме того, объявили, что по ходатайству коллектива юбиляру вне очереди выделен автомобиль «Жигули» последней модели. Юбиляр лишь недовольно поморщился – рассчитывал на «Волгу».

А по коридору весь день шли делегации с цветами, поздравительными адресами и подарками. От отдела на юбилейный вечер не был приглашен никто.

– Мог бы хоть актив пригласить, – возмущался оскорбленный невниманием к своей персоне начальник сектора Мазо, – А то даже рюмку не налил.

– Двадцать бутылок коньяка в его сейф вчера поставили. Вот, думаю, отметим... Отметим, – вторил ему обиженный профсоюзный начальник Мозговой, две недели занимавшийся только подготовкой к знаменательной дате, а теперь, как и все, оставшийся без подношения...

На следующий день в комнату зашел трезвый как стеклышко юбиляр.

– Ну, как прошел юбилей, Эмиль Борисович? – с умильной улыбочкой спросил Мазо.

– Скромно, Анатолий. Были только свои... А так одни расходы... Подарков надарили кучу, а что с ними делать, ума не приложу... У людей совсем нет головы на плечах. Одних только книжек «Пейзажи Подмосковья» насчитал целых двадцать штук. Куда столько?.. Которые поумней, хоть адрес внутрь вложили, а книжку не портили. Вот несколько экземпляров отобрал, сегодня с утра отнес в букинистический магазин. Хоть деньги получил... А некоторые прямо в книжке расписались. Куда с такой? – пожаловался юбиляр.

– А вы аккуратненько заклейте подписи чистым листом, – посоветовал Мазо.

– Придется. Но за такую меньше дадут. Испорченная... Лучше бы деньгами давали, – ворчал недовольный Бродский...

Но это все для счастливых. Я не из их числа...

Свой первый день рождения запомнил лишь тем, что в лагере военнопленных немцев, где родился и прожил почти шесть лет, все, включая знакомых охранников и друзей-немцев, весь день таскали за уши, приговаривая, «расти большой, малыш». Похоже, мне тогда исполнилось пять, потому что в шесть оказался в боксе инфекционной больницы, где, разумеется, никто никого не поздравлял.

Когда через полгода вернулся, но не в лагерь, а совсем в другой дом, меня ждал подарок к давно прошедшему дню рождения – по комнате на моем трехколесном велосипеде, правда, уже без одной педали, лихо носился младший брат.

Увы, он так и не признал моего права на ту игрушку, считая ее своей. Да и кататься на искалеченном «коне» я толком не научился – раньше вырос из его габаритов.

Мой первый подарок... До деталей помню день, когда это случилось...

Я проснулся на сундуке у окна в большой комнате, где спал с первого дня после больницы. Неожиданно раздалось странное металлическое жужжание. Взглянув на пол, увидел маленького движущегося поросенка, играющего на миниатюрной скрипочке.

– Мама-мама! Что это?! – удивленно спросил стоявшую напротив улыбающуюся маму.

– Твой подарок, сынок. Поздравляю. Сегодня тебе семь лет, – обняла она.

А подарок вдруг ударился об стул и упал на бок, продолжая жужжать. Я соскочил с сундука и подхватил его на руки. Какое чудо! Поросенок был одет, как человек: в черные брючки, беленькую рубашечку и коричневый камзол, а на головке возвышалась темная шляпка. Вот только из спинки как-то совсем неестественно торчал металлический ключик.

– Этим ключиком его заводят. Только не перетяни пружинку, сынок, – показала мама.

Радостный и счастливый, быстро оделся и отправился умываться. Подарок пришлось оставить на столе.

Вернувшись, не узнал мое чудо. На столе лежала металлическая коробочка с торчащим из нее ключиком. А рядом – ключья одежды и деталей бывшего поросенка и еще бабушкины большие ножницы.

Градом хлынули слезы. Сжав кулаки, закричал от боли и обиды. Не помню, как отыскал спрятавшегося брата, и как потом бил его от души.

Очнулся уже в углу, куда нас с ним определила мама – без меня брат не захотел становиться в угол. Он даже не считал, что провинился, потому что всего лишь хотел посмотреть, что у поросенка внутри.

Чуть позже обнаружилось, что брат перетянул пружину, и она лопнула. Отец, разобрал коробочку, пытаясь починить механизм, но собрать уже не смог...

Мой первый, десятилетний, юбилей запомнился горькими слезами вернувшейся из магазина мамы, где ее обокрали цыганки, когда она покупала мне в подарок долгожданный конструктор.

– Ну, не плачь, мамочка, – утешал ее, – Не было у меня конструктора, и не надо.

– Хотела порадовать тебя, сынок... А теперь даже не знаю, как до полочки доживем? Эти сволочи все деньги украли, – еще сильнее зарыдала мама, а вместе с ней и мы с Сашкой. Хорошо, самый младший – двухлетний Володя – ничего не слышал, потому что крепко спал...

Больше подарков не было – лишь ежегодно все, кому ни лень, таскали за уши, столько раз, сколько исполнилось лет. «Хорошо, не сто», – рассуждал тогда, потирая пылающие уши...

Первый праздник мне устроили в день совершеннолетия, тем более, он пришелся на воскресенье. Вряд ли что-то подобное получилось в будний день – все мои друзья, как и я, работали или учились в вузах.

В большой комнате был накрыт стол, на котором мы впервые обнаружили не традиционный лимонад, а настоящий портвейн «три семерки» (тогда он только-только появился в Харькове). Праздник запомнился еще и тем, что ребята, к удивлению родителей, открыто закурили.

– Сынок, ты тоже куришь? – удивленно спросила мама.

– Конечно, – ответил ей и зачем-то задымил вместе со всеми, но тут же выбросил сигарету, заметив, как расстроилась мама.

Несмотря на всеобщее веселье, праздник прошел для меня с ясным ощущением невосполнимой потери. «В жизни раз бывает восемнадцать лет», – не выходила из головы фраза из модной тогда песни, а душа скорбела от мысли, что вот уже два года нет рядом любимой подружки Любочки, и, похоже, никогда уже не будет.

Именно в ночь после праздника и родилось это стихотворение:

Я плыву по теченью судьбы
Неизвестно, куда и зачем.
Только серый туман впереди —
Вольной мысли сознательный плен.

Что б могла эта мысль сотворить,
Если дать ей широкий простор?
Но любимая, можно ль забыть
Роковой для меня приговор?

Я страдаю, а годы летят,
Чередой уходя в пустоту.
А душа, как осенний сад,
Растерявший свою листву.

Тот вечер завершился происшествием, немного поднявшим настроение. Пока гости одевались, вышел на крыльцо. Как обычно, когда стоял там один, накатили воспоминания.

– Эй, ты, говнюк!.. Иди сюда! – вдруг услышал снизу.

Глянув в сторону грубияна, увидел двух подвыпивших, скорее всего, студентов, шедших, очевидно, в свое общежитие напротив, но решивших поискать приключений. Один, типичный сельский паренек, намеревавшийся почесать кулаки, уже рвался к лестнице, а другой, интеллигентного вида, его удерживал. Невиданная наглость чужаков возмутила:

– Отпусти его! – крикнул «интеллигенту» и ринулся вниз по лестнице.

Отпустил он его, или тот вырвался, не знаю, но через мгновение между нами уже было не более трех метров.

И тут случилось то, что должно было случиться – «деревенский» поскользнулся на нашем шатком сооружении. Но, сильно ударившись о кирпичный выступ стены и чудом устояв на ногах, он вдруг бросился от меня, как ошпаренный, ненароком сбив с ног своего приятеля.

Оглянувшись, увидел уже ступивших на лестницу моих гостей: двухметрового Толика Сушкина, а за ним – Костю, Витьку и, наконец, брата Сашку.

– Догоним? – быстрее всех сообразил Сашка.

– Пусть бегут. И так получили от нашей лестницы, – рассмеялся я, а следом и мои друзья...

Свое двадцатилетие встретил в казарме военного училища. Прямо с утра меня поздравили товарищи – все наше четвертое отделение. А на добрую память вручили портативную электробритву. Если бы знали, что точно такая же – скромный подарок родителей – уже с воскресенья лежит в моей сумке и ждет своего часа.

Лишь вечером тайком рассмотрел подарки-близнецы. Нет, они все же отличались. Бритва от родителей такого же красного цвета, но чуть ярче. Зато на чехле бритвы от однокурсников красовалась надпись: «От друзей. Знай, дерзай, да бороду таскай». Так я их и укомплектовал, чтобы никого не обидеть. Второй комплект подарил брату. Та бритва долго служила мне верой и правдой. Она до сих пор исправна, и хранится как память...

«Тридцать лет – это возраст вершины...», – пел в наше время известный бард Юрий Кукин. И в год тридцатилетия его слова стали как-то по-особенному близки и понятны. Возраст вершины... А я лишь в начале нового для себя пути – только-только устроился старшим инженером в Центральное конструкторское бюро, созданное С. П. Королевым.

И хотя многих коллег уже несколько лет знал по совместной работе на космодроме Байконур, мой юбилей остался незамеченным. Никто из новых сослуживцев даже не поздравил с днем рождения.

Зато дома устроили небольшой праздник, где главными гостями стали мама и обе ее сестры – мои тетушки, московская и кораблинская. Весь вечер я был, как на иголках, между двух огней. Тогда мама в первый и последний раз оказалась в нашей московской квартире, где впервые встретилась с моей тещей, которую уже несколько лет заочно недолюбливала. Теща отвечала ей тем же.

К счастью, все прошло чинно-благородно. Гости поздравили, вручили общий подарок – модную тогда рубашку, которая стала моей любимой настолько, что проносил ее почти двадцать лет.

Посидев пару часиков, они уехали к московской тетушке, у которой всегда останавливались, когда бывали в Москве.

Я и не предполагал, что это был последний день рождения, который отметил вместе с мамой...

– Афанасич!.. Да у тебя скоро юбилей!.. Надо же! Сороковник!.. А по виду не скажешь. Хорошо сохранился, – коршуном налетел на меня председатель профбюро отдела Мозговой, – Как праздновать будем? Сам выступишь, или как?

– Было бы что праздновать, – попытался охладить его пыл, – Разве это дата? Да и сам говоришь, молодой еще. Какой там юбилей.

– Ну, Афанасич!.. Слинять хочешь?.. Не выйдет, – огласил свое решение Олег Васильевич, – Шашлычная подойдет? – предложил он традиционный вариант подобных празднований для рядовых юбиляров.

– А есть другие варианты? – косвенно согласился с ним. Подумаешь, ведущий инженер. На ресторан не заработал.

– Давно бы так! – обрадовался профсоюз, считая, что договорился, – В общем, Афанасич, с тебя, как всегда, закусь. На остальное скинемся. Готовься, юбиляр, – похлопал он по плечу и покинул нашу комнату...

Дома таким же макаром налетела жена:

– Нечего по шашлычным шастать! Знаю я ваших пьяниц. Мы лучше дома одни соберемся, – выложила она свой план моего праздника.

– Да ты что! – возмутился я, – Коллектив не поймет, – выдвинул ей последний аргумент.

– Коллектив-коллектив... Толку... В общем, денег я тебе не дам, – огласила она свое решение...

Спорить не стал, и финансовую проблему пришлось решать втайне от нее...

И вот он наступил, сороковой день рождения.

С утра поздравила жена, вручив подарок – рубашку ее любимого голубого цвета. «Обрадовала» и дочь давно знакомым подарком:

– Это от нас с Юрой, – объявила она, вручая «модельные» туфли. Эти туфли вот уже три месяца безуспешно пытался всучить ее непутевый «жених»:

– Ну, возьмите, дядя Толя. Хорошие туфли. Модельные. Недорого, – уговаривал он.

– Юра, это же халтура. Они мне и бесплатно не нужны. А за такие деньги и подавно, – всякий раз возражал ему.

– Ну, да... Но я же должен заработать.

– На мне?

– Ну, одолжите, – пытался он, как обычно, решить свои финансовые проблемы.

– Тебе, Юра, не дам ни копейки. Молодой парень, нигде не работаешь, да еще куришь не по чину... Как отдавать будешь? У мамы попросишь? Не стыдно? – бесполезно взывал к его совести...

И вот они снова возникли, эти туфли. Теперь уже как подарок, купленный дочерью у «друга» за мои же деньги и, разумеется, с переплатой за доставку.

Забегая вперед, скажу, что тех злополучных туфель хватило ровно на неделю – отвалилась подошва. К тому же, они оказались неремонтопригодными:

– К картону не приклеишь, – пояснил мастер...

– Это для девочек, – вручила меж тем жена два торта, – И не вздумай ходить в шашлычную. Пойдешь, можешь не возвращаться, – выдвинула она ультиматум...

До обеденного перерыва все шло, как обычно. Суетился лишь Леня Мокшин. И хотя, по известной причине, меня он обходил стороной, то и дело раздавался его шепоток:

– С тебя полтинник, Зарецкому на подарок... С участием?... Тогда еще рубль... Красненькое или беленькое?.. Все. Жди.

Готовятся ребята... Подошел Мозговой:

– Поздравляю, Афанасич.

– Спасибо.

– Готов?

– Всегда готов.

– Молодец... Уходим на два часа раньше. Бродский отпустил.

– Это хорошо, – согласился с ним. Появился шанс вернуться домой вовремя. Жена даже не узнает, что был в шашлычной...

И вот началось. В нашу комнату дружно входят и располагаются на свободных стульях сотрудники сектора из других комнат.

– Минуточку внимания! – начинает Олег Васильевич, – Слово предоставляется начальнику сектора Мазо.

Из-за своего стола со слащавой улыбочкой встает Анатолий Семенович и направляется ко мне. Поднимаюсь навстречу. Все идет по привычному сценарию подобных мероприятий. Почти не слушаю стандартную поздравительную речь начальника, механически получаю в подарок книгу и что-то говорю в ответ. Все. Торжественная часть позади. Строй ломается. Ко мне по очереди подходят товарищи, поздравляют, жмут руку и с чувством исполненного долга расходятся. Подошел Мозговой:

– Странно, Афанасич. Бродский не пришел... А ведь приглашали... Ладно, в три ноль-ноль в шашлычной.

Открываю подарочную книгу и не сдерживаю смеха – «Пейзажи Подмосковья». Уж ни Бродского ли это книга, еще из его запасов? Да нет, вроде новая. Во всяком случае, не испорчена вклеенными листочками...

В шашлычную отправился в последних рядах, в сопровождении Мозгового. Едва вошли в зал, подскочил Мокшин:

– Афанасич, все заказано. Закусь на столах, кроме горячего. Подадут по команде. Давай, оплачивай.

Заплатив по счету, подошел к столу, встреченный аплодисментами товарищей. Но, мельком глянув на стол, ужаснулся. Тот буквально ломился от мощных огнетушителей с ядовитой этикеткой «Солнцедар».

– Леня, что это?! – с возмущением обратился к «заготовителю» спиртного.

– А что?.. Пойдет... Зато много, – ответил он, но не мне, а почему-то Мозговому.

– Олег Васильевич, – обратился к распорядителю, – Это же гадость несусветная. Ее из Африки возят в танках нефтеналивных судов. Пить невозможно, – пояснил ему.

– Эти выпьют, – со знанием дела махнул рукой Мозговой.

– Ладно. Я сейчас, – буркнул ему и метнулся к кассе.

С трудом уговорил кассира и на последние деньги купил три бутылки коньяка. Меня снова встретили аплодисментами. Пир начался.

Моего «горючего» хватило на два тоста, но этого оказалось достаточно, чтобы народ безударно перешел на «Солнцедар».

Появился опоздавший Мазо. Ему налили штрафной фужер. Не заметив подвоха, выпил, как компот. И вскоре, вдохновленные примером, все дружно перешли на фужеры, тем более, на столе возникли шашлыки. Как всегда, постепенно сложились группки по интересам, и об юбилере забыли.

Глянув на часы, сообразил, что пора проститься по-английски...

– Ну, что, напился? – встретила жена.

– Как свинья, – раздраженно ответил ей.

– Небось, в шашлычную ходили? – выведывал домашний деспот.

– Когда бы? – вполне убедительно соврал ей, кивнув на часы, – Вот подарок вручили, – передал завернутую в газету книгу.

– И только?

– Нет. Еще поздравили всем коллективом.

– Ладно. Раздевайся и давай за стол, поздравлять будем, – обозначила она мои перспективы.

Чуть ли ни в полночь позвонили из Харькова – поздравили мама и братья.

Все. Праздник кончился...

А с утра в курилке обсуждали происшествие – на работу не вышли Мазо и Емельянов.

– Да мы с Мишей пошли Мозгового провожать, а эти с нами увязались... Мы, что осталось, в портфель сложили, на опохмелку. Куда там... Ну, одну распили в скверике у шашлычной, а другую уже у гастронома, – рассказывал Мокшин под раскатистый смех курильщиков, – Пока ждали электричку, Емельянов портфель уронил. Бутылка вдребезги.

– Как это? – удивился Брылкин, – Таковую молотком не разобьешь.

– Да он на рельсы уронил, прямо с платформы, – вызвал очередной взрыв смеха Леня.

– Обидно, – прокомментировал кто-то.

– Не бойсь, одна уцелела. И хорошо, что не обе. Пока распивали, электричку прозевали. Прав Афанасич, ну и гадость. После двух мы бы тоже не вышли, – снова развеселил он публику.

Эта история, связанная с моим юбилеем, еще с месяц потешала коллег и прочно вошла в анналы отдела...

Очередное десятилетие пролетело незаметно. И вот уже мой подчиненный, ведущий инженер Брылкин, порывшись в своих записях, провозгласил на весь зал:

– Афанасич!.. Да у тебя скоро юбилей!.. Надо же! Полтинник!.. А по виду не дашь. Как молодой.

Засуетился коллектив, уточняя и фиксируя для памяти дату события. Праздник все-таки...

Увы, мой последний день работы в РКК «Энергия» наступил еще до юбилейной даты. Ранним утром, когда собирался на работу, ничто не предвещало близкого конца моей трудовой деятельности в области ракетостроения.

Все шло, как обычно. Выдав задания на день, занялся своими делами.

Неожиданно позвонил Николаев и попросил зайти.

– Афанасич, сколько у тебя людей в секторе? – задал он вопрос, который сразу насторожил.

– Со мной двадцать три.

– А у Мазо семь человек. У Шинкина вообще всего три женщины остались, – сообщил он факт, известный в отделе почти всем.

– Виссарион Леонидович, у меня за полтора года тотального безделья не уволился ни один человек, а от Мазо с Шинкиным бегут по одному в месяц.

– Конечно... У тебя есть, чем привлечь людей, – сказал Николаев и надолго замолчал. Я уже догадался, что речь пойдет о переводе части людей к Мазо и Шинкину. Но того, что наметил начальник отдела, не мог представить даже в кошмарном сне, – В общем, Афанасич, я решил расформировать твой сектор, – наконец, решился он сообщить главное.

Что ж, это его право. Но, перевести людей не проблема. Чем загрузить, если работы в секторах, куда их переведут, давно нет.

– Что молчишь, Афанасич? – снова прорезался Николаев.

– Вы же все решили, – ответил ему.

– Да, я все решил... В общем, мне удалось пробить для тебя должность ведущего инженера. Но если ты и с ней не справишься, придется увольнять, – буквально сразил он столь нелепым обвинением, что от возмущения лишился дара речи.

Я взглянул на него таким испепеляющим взором, что на мгновение увидел в его глазах страх. Именно этот животный страх отрезвил меня и вернул из состояния, в котором много лет назад чуть, было, ни задушил такого же мерзавца.

– Все, ребята... Сектору конец... Я увольняюсь, – сходу выложил новости коллективу, который все понял уже по одному моему виду...

– Что будешь делать? – спросила жена, когда рассказал ей обо всем, что произошло.

– Искать работу, – ответил ей, все еще переживая внезапное потрясение, в течение дня радикально изменившее мою жизнь.

Так в канун пятидесятилетия я стал безработным. И что теперь? Несколько лет был, можно сказать, на пике работоспособности. Автор программных систем «Экспресс-анализ» и «Проект-сервис», ставших плановыми работами коллектива, созданного и подготовленного мной из случайных, не знавших основ программирования, работников испытательного отдела...

Каждая из этих работ основана на идеях, оформив которые в научные труды, можно защитить ни одну кандидатскую диссертацию. Но я готовил иную, обобщавшую и развивавшую идеи обоих проектов – «Прогнозирующие экспертные системы с элементами самообучения».

Предлагая в ней оригинальную методику, я расширял горизонты научных знаний. Ничего подобного еще никто не предлагал. Мой приоритет здесь был бесспорным.

Задел по всем темам, который способны оценить лишь специалисты, был огромным. Уже созданы и отлажены программные кирпичики, из которых, как из деталей конструктора можно было складывать программные модули, а из модулей самые разнообразные программные системы...

Все направлено на то, чтобы облегчить разработку ракетно-космических комплексов, да и вообще любых сложных технических объектов. Программные системы ведь создавались как универсальные...

И вот теперь ничего этого больше не будет в моей жизни. Все обратилось в прах, в абсолютный нуль. Я «обнулится» и как руководитель коллектива, и как научный работник, ведущий свое направление. Мне больше никогда не достичь этих вершин.

И не к кому обратиться, чтобы хотя бы восстановить статус-кво... Руководитель комплекса Панарин – друг Мазо. Как часто, на словах возмущаясь его действиями, он так ни разу и не пожурил своего приятеля... Давно уже нет в НПО «Энергия» Заместителя Генерального конструктора Елисеева, который высоко оценил мои знания и организаторские способности, когда я, ведущий инженер, возглавил комплексную бригаду предприятия из трехсот специалистов и за два месяца вытащил проваленную комплексом важнейшую работу.

Генеральный конструктор Семенов? Дважды я обращался к нему, когда еще была жива тема «Энергия-Буран», и однажды, когда ее уже закрыли. И все три обращения оказались без последствий. Мне не отказали, но так ничего и не сделали...

Главный конструктор Губанов? Его «съели» еще накануне закрытия темы...

Филин Главный? Его уже давно не видно и не слышно...

Да и как дальше буду работать с Николаевым, который много раз клятвенно обещал не забыть того, что для него сделал, и всякий раз нарушал обещания, когда вдруг возникали интересы Мазо – его неутомимого конкурента.

Нет. Я поступил так, как следовало поступить давно – хлопнул дверью, в прямом и в переносном смысле.

И что теперь? Теперь я безработный, вот только совсем в ином обществе, чем то, в котором жил до сих пор.

Страна, желавшая перемен, вдруг получила их по полной программе. А на авансцену выдвинулся новый лидер, которому интуитивно не верил изначально, и смутно ощущая подвох, так и не смог определиться, стоит ли поддерживать эти перемены.

Но и «в социализм с человеческим лицом», который обещали коммунисты, устроившие перестройку, а затем путч, тоже верилось с трудом. А потому митинг у Белого дома стал моим последним общественным мероприятием, в котором участвовал добровольно. На несколько лет я выпал из активных политических баталий, решив понаблюдать за ними со стороны.

Те двадцать лет работы в ГКБ пролетели как один день. Беспартийный, я достиг немислимой вершины – должности начальника сектора. Мне нравилась моя работа, и многоазовую космическую систему «Энергия-Буран» по праву считаю и своим детищем.

Все рухнуло с перестройкой Горбачева. Слова, слова... Красивые слова, за которыми последовал развал страны и десятилетия немислимого падения и хаоса. В итоге, в пятидесятилетнем возрасте я оказался без средств к существованию и перспектив трудоустройства по специальности.

А как же юбилей?.. Да как положено – отметили в своем коллективе. Вот только в то непростое время он вдруг сузился до размеров моей семьи. Станным показалось лишь одно –

меня так и не поздравил ни один из бывших сотрудников по РКК «Энергия». Почему? Не знаю. Бог им судья...

Занимаясь, чем придется, постепенно нащупал свое дело, которое увлекло, а главное оно было перспективным и давало надежду выкарабкаться из нищеты, в которую меня «опустила» демократия, навязанная нашему народу, как до того социализм – грубо, нагло, беспардонно, с жуткими потрясениями всех основ, включая мораль и нравственность...

Преодолев все мыслимые и немыслимые преграды, мне удалось построить небольшое камнеобрабатывающее предприятие, способное обеспечить своим владельцам доход не менее миллиона долларов в год. И это лишь на первом этапе. Я знал, как в течение трех-пяти лет сделать это предприятие лидером отрасли.

Но моему партнеру нужен был «свечной заводик», который был бы в его полной собственности. И в его «сахарной голове» созрел коварный план, как избавиться от партнеров, не выкупив, а присвоив их доли. Отказавшись подписать подготовленные адвокатами документы, я «заказал» себе смертный приговор. И он был бы приведен в исполнение, если бы ни случайно подслушанный дочерью диалог заговорщиков.

Мне удалось остановить процесс ликвидации в самом зародыше, но, лишь потеряв все, что удалось заработать в последние годы. И в дополнение ко всему потерял веру в людей, узнав истинное лицо подонков, которым дал работу и которые годами изображали моих друзей и приятелей.

Но я и не думал, что, успешно реализовав первый самостоятельный проект, ко второму, аналогичному, мне удастся подойти лишь через пять трудных лет безнадежных поисков партнеров.

И вот я снова во главе предприятия имени самого себя. В одиночку выполнена громадная подготовительная работа, а судьба случайным образом свела с тремя деятельными полковниками ГРУ в отставке, которые и познакомили меня с Константином, поверившим в реальность моих планов.

Владелец и руководитель небольшой организации, тот занимался строительством быстровозводимых промышленных зданий.

В день моего шестидесятилетия ранним утром мы выехали в соседнюю Владимирскую область, чтобы оценить возможность строительства завода на территории разорившейся фабрики.

Ехали на двух машинах. Наш головной экипаж включал Константина и «старшего» из полковников. Весь день, в основном, ушел на долгую дорогу туда и обратно. К Москве подъезжали, когда уже смеркалось.

– А у Афанасича сегодня юбилей, – неожиданно прорезался полковник.

– Правда?! – мгновенно проснулся задремавший, было, Костя, – И сколько же тебе стукнуло? – обратился он ко мне.

– Шестьдесят, – ответил за меня «разведчик». Я же молчал, соображая, как выйти из щекотливой ситуации и избежать нежелательных последствий нежданного «разоблачения».

– Не может быть! – с удивлением посмотрел на меня партнер, – Афанасич, и ты молчал?!

– А что, я должен кричать?.. Сегодня делали важное дело, а юбилеев еще наотмечаемся. Какие наши годы.

– Не-е-ет... Так не пойдет. Едем в офис, – решительно заявил Костя и принялся звонить по мобильнику.

Связи не было, и я тихо радовался.

– Ладно, ребята. Завезите домой, а в выходной соберемся, отметим, – предложил я вариант.

– Не пойдет! – хором провозгласил экипаж, уже настроившийся на праздник...

Офис встретил наспех накрытым столом, теплыми поздравлениями новых коллег и даже небольшим подарком – бутылкой виски, упакованной в фирменную коробку.

Оставшись без обеда, мы быстро захмелели. Воспользовавшись ситуацией, попросился по-английски. В дороге почти протрезвел и домой попал в довольно приличном виде.

– Тебе уже весь вечер трезвонят, – сообщила жена.

– Кто?

– Не знаю. Я трубку не брала.

– А вдруг это тебе.

– Нет. Межгород.

Едва разделся, пошли звонки. Поздравили мама с братьями. Позвонила дочь из Италии:

– Буон комплеанно, Анатолий, – позддравил зять.

Чуть позже действительно обрушился шквал звонков – тепло поздравили однокурсники, оповещенные нашим Гаппарычем, добровольно возложившим на себя нелегкую обязанность поддерживать слабеющие контакты однокашников, разбросанных по всей стране.

В промежутках между звонками поздравила жена:

– Трудовые будни – праздники для нас, – процитировала она известный лозунг эпохи социализма, – Поздравляю.

«Как же это верно», – размышлял я, уже на своей шкуре прочувствовавший «прелести» капиталистического бытия, когда никому нет дела, чем ты жив, и жив ли вообще.

И впервые за несколько последних лет уснул спокойно – с завтрашнего дня мне начнут начислять пенсию, скромные 1500 рублей. Это, конечно же, лучше, чем ничего, тем более, впереди реальная перспектива радикально изменить свой статус нищего пенсионера богатейшей страны...

Мечты-мечты... Лишь пару месяцев назад, забыв об юбиляре, захмелевшие полковники по очереди провозглашали здравицы в честь Константина, искренне принимая его за хозяина будущего предприятия.

Увы, скоро выяснилось, что столь капиталоемкое производство Косте не по карману. И он предложил подключить своих друзей – «динамовцев».

Роковая встреча состоялась в ресторане стадиона «Динамо» и, разумеется, оставила положительное впечатление – готовились. Потенциальные партнеры, как оказалось, уже давно знакомы с моим бизнес-планом и не мешкая заявили о готовности к сотрудничеству.

Работа закипела. Но мало-помалу стало заметно, что новые партнеры не спешат оплачивать все возрастающие расходы. И когда иссяк Константин, встал вопрос о поиске заемных средств.

Мне шли навстречу все банки, с которыми когда-то контактировал, но именно это не устраивало несостоятельных партнеров. Их вариант оказался ловушкой, в которую мы с Костей волей-неволей угодили. И в результате вроде бы невинных манипуляций с учредительными документами неожиданно для всех законным владельцем построенного нами современного завода стал один из динамовцев. Механизм обмана был мне понятен изначально, однако, Константин и слушать не хотел, утверждая, что давно всех знает – динамовцы люди слова, и вернут наши доли, как только появится прибыль.

Но пошла прибыль, и первой жертвой узурпатора, как ни странно, стали не мы с Костей, а его друг-динамовец. А когда ее размеры превысили сумму займа, подошла и моя очередь –

псевдохозяин заявил, что завод теперь может работать и без меня, его директора, а потому он больше не нуждается в моих услугах.

Дольше всех продержался Костя, построивший заводские цеха своими силами и на свои средства.

Как и следовало ожидать, через три месяца после моей отставки завод встал.

Но, оставшись в дураках, мы объединились, и больше не шли ни на какие компромиссы с мошенником. Шли переговоры за переговорами, а завод стоял и стоял. И мошенник засуетился.

Все легко разрешилось бы в суде, но, кроме меня, никто так и не пожелал прибегнуть к судебной защите своих интересов. И тщетно пытались договориться с заведомым жуликом.

Но, «если гора не идет к Магомету...», то меня, как генерального директора, вдруг вызвали в РУБЭП для дачи показаний о неведомых мне экономических преступлениях, якобы совершенных руководством завода.

И почти две недели пришлось доказывать следователю, что уже больше года не исполняю директорских функций, никогда не контактировал с фигурантами дела, а все мои подписи в документах поддельные.

В конце концов, дело в отношении меня было прекращено, а после того, как я «оживил» не подававший признаков жизни личный ноутбук следователя, утерев нос IT-специалистам из МВД, да еще восстановил важную для него информацию, совершенно неожиданно приобрел не только покровителя, но и приятеля, с которым общаюсь до сих пор.

По его рекомендации меня, пенсионера, приняли на работу в ГУП УРСТ и назначили заместителем директора по информационным технологиям. И хотя мне так и не удалось сработать с директором управления, мою работу оценили другие.

Правда, в ОАО «Мосинжпроект» для начала предложили лишь скромную должность инженера 1-ой категории, но с окладом, превышающим мою пенсию в несколько раз. Работая, как всегда, с энтузиазмом и инициативно, за год поднялся до уровня главного специалиста по управлению проектированием объектов московского метрополитена и еще год проработал в этой должности.

А потом был создан злополучный НИиПИ транспортного строительства. Я перешел туда вместе с моим неизменным руководителем еще со времен УРСТ, получившим там пост директора института.

Но случилась крупная авария в метро с гибелью людей. Кроме несчастных стрелочников, виновным неожиданно назначили и наш институт. Никого не арестовали, но институт в авральном порядке ликвидировали, уволив его работников. Лишь со временем следствие установило, что авария произошла из-за дефекта одного из вагонов. Со стрелочниками проще, а вот институт уже не восстановить.

Так в канун семидесятилетия я снова стал безработным.

А как же юбилей?.. Его уже привычно отметили вдвоем с женой.

Видеозвонком из Италии поздравили дочь, зять и оба внука:

– Чао, нонно... Каналья, – под общий смех выдал полуторогодовалый малыш.

– Он хотел сказать «комплеанно», но опять забыл, – пояснила дочь.

Что ж, ему простительно – он маленький.

С днем рождения поздравили брат и неизменный Гаппарыч. Но часа через два тот неожиданно перезвонил:

– Толя, а у тебя, кажется, юбилей?

– Не кажется.

– Тогда поздравляю.

– Спасибо.

Брат перезвонил лишь на следующий день.

Получил несколько е-мэйлов от однокашников, число которых с каждым годом все меньше и меньше. Да и память уже не та.

Поздравил Владимир Иванович – коллега по «Мосинжпроекту» и хороший друг.

И, конечно же, объявился, как всегда, Дудейчик – мой армейский друг. На душе потеплело, и невольно всплыли строки моего стишка по тому же поводу:

– Что там за шум?

– Какой-то юбилей...

– Дудеев отмечает шестьдесят.

– Не может быть!..

Он молод, как Орфей!

– То, может, было

Тридцать лет назад...

Теперь не тот...

Он больше не спешит —

Спина болит,

Но, к счастью, не всегда...

– Что тело?!

Оболочка для души!..

Душа поэта

Вечно молода!

Вот и все... Очередной юбилей позади. А до следующего...

Лагерь военнопленных

Как-то прочел в умном журнале о необыкновенной способности человеческой памяти хранить все, что любой из нас воспринимает из окружающего мира всеми своими органами чувств... И хранит наша память ту череду жизненных событий до мельчайших деталей, чуть ли ни с момента рождения... Вот только добраться до дремлющих клеточек памяти и «считать» информацию может не каждый.

Впрочем, те сведения об удивительных свойствах памяти меня не потрясли. Еще в первом классе мог на спор запомнить с единственного прочтения любое стихотворение в пять куплетов и помнил его очень долго. А годы учебы развили память так, что за три дня, отпущенные на подготовку к экзамену, мог заново изучить любой предмет, который до того игнорировал весь семестр, причем усвоить настолько, чтобы без шпаргалок сдать на «отлично». И ведь сдавал. А наспех накопленные знания «выветривались» не сразу, да и то по причине не востребоваемости.

Вот только ближе «к годам мудрости» обнаружил, что события детства и юности помню гораздо образнее и ярче, чем все, что происходило позже. Стоит лишь «уйти в себя», и желаемые картины уже такого далекого прошлого возникают сами по себе, словно наяву...

«Две бездны с двух сторон небытия зияют» – так поэт Омар Хайям обозначил границы уникального явления, называемого человеческой жизнью. Из первой бездны я вырвался в начале декабря сорок четвертого года...

Но что же я вспомнил о том своем «бытии» вблизи границы жизни?.. Ничего. Лишь рассказ родителей, что родился в лагере военнопленных немцев, расположенном в поселке Харьковского тракторного завода...

Мое земное бытие стартовало в земляном бомбоубежище, приспособленном под поликлинику для пленных. Принимал меня доктор-немец. Появился на свет слабеньким – дитя войны. В той землянке прожил два месяца – то было самое теплое место в лагере.

А в шесть месяцев простудился до воспаления легких. И тот же чудесный доктор спас меня уколами пенициллина. Он тогда у нас только появился. Спасибо ему – неизвестному доктору и, разумеется, моим родителям.

А рассказали мне об этом, в мои шесть лет, чтобы я посмотрел на место своего рождения в последний раз – в тот день сносили все земляные бомбоубежища района. Я даже покатался взад-вперед в кабине бульдозера, который ровнял площадку после работы экскаватора.

Тогда-то впервые узнал, что детей не находят в капусте, и их не приносит аист. Они рождаются в землянках...

А вот и первое озарение – первые, сохраненные памятью, события у бездны небытия. Это как фильм, который снимает камера. Она лишь фиксирует картинки и звуки, не ведая, что происходит. Правда, мое Я в том фильме – это не только зрительное и слуховое восприятие мира, это нечто большее, чем даже цветное стереокино. И в нем Я – действующее лицо и камера одновременно...

То самое Первое Утро моего Сознания помню до деталей – я и сейчас в любой момент могу «прокрутить» тот фильм. Конечно же, он далек от оригинала. Он «зашумлен» дополнительной информацией, слой за слоем наложенной временем. Вот только в отличие от «ролика», время не ухудшило ту запись, а лишь уточнило ее новыми представлениями, которых не могло быть в оригинале.

Итак, тем утром я проснулся в маленькой деревянной кровати, встал на ножки и выглянул через небольшое окошко. Увидел зал, где за длинными столами сидели люди, много людей.

Они что-то ели. Некоторые смотрели на меня, улыбались и даже махали мне руками. От такого внимания захотелось спрятаться. Я сел в кроватку и осмотрелся. В длинной узкой комнате увидел много больших котлов, из которых валил пар. Какие-то женщины поварешками что-то наливали в бачки и передавали их в зал через такое же, как у меня, окошко. Люди в зале и были немецкими военнопленными...

Когда рассказал о своих воспоминаниях маме, она сказала, что это было в Покатиловке – в лагере, куда перевели по службе отца. Тогда действительно мою кроватку временно разместили на кухне столовой, где было тепло.

– Только ты не можешь этого помнить, сынок, – сказала удивленная мама, – Тебе тогда не было и полутора лет... Тебе это кто-нибудь рассказал, – сообразила она, наконец.

Но я это помню. И помню точно не со слов. Это возникло в моем сознании, как видение. Разумеется, в момент «съемки» я не знал названий предметов, почти не распознавал речь и вряд ли понимал, что происходит, – это пришло гораздо позже, когда периодически «просматривал запись». Мысленно этот эпизод я и сейчас вижу глазами ребенка, каким был тогда. Все до деталей, совсем как наяву...

А между тем меня заметили женщины. Вынули из кроватки и умыли холодной водой. Это не понравилось, и я заплакал. Потом одели и вывели в зал за ручку – ходить самостоятельно, похоже, еще не мог. Люди за столами с улыбкой смотрели на меня и что-то говорили. Из всех слов знакомым было только одно – «киндер», которое, кстати, и звучало чаще других. Я понимал, что говорят обо мне, и улыбался в ответ... Знал ли тогда другие слова? Возможно. Но немецкое слово «киндер» – первое, которое «впечаталось» в мою детскую память навечно...

Помню и другой эпизод. Я играл на полу с небольшими дровяными поленьями. То были мои первые игрушки. Потом мама сказала, что теперь у меня есть братик. Я не понимал, что это такое. Но что-то кричащее положили в мою кроватку. Когда это что-то успокоилось, и все ушли, мне захотелось с ним поиграть. Я набросал ему в кроватку поленьев, а он не реагировал. Но когда полено попало ему на голову, он заорал. Вбежали мама и папа. Поленья вытащили, меня наказали. Мне тогда не было и двух лет. Мама сказала, что и этого я не могу помнить. Но я помню оба эпизода очень отчетливо – так, будто это было вчера...

Сам переезд в Харьков – в наш последний лагерь, который размещался в полуразрушенных корпусах харьковского автодорожного института, я не запомнил. Зато четко помню, как осознал, что нахожусь в другом помещении.

Вроде бы ничего не изменилось – те же два сундука и наши с братом кроватки, та же «буржуйка» – вся наша мебель, которую перевезли в город. Похожими были стол со стульями и койки родителей, которые принесли откуда-то немцы. Но многое уже было не так.

Отчетливо помню, как, шаг за шагом осваивал новое жизненное пространство, совершая открытие за открытием. Прежде всего, обнаружил огромную кучу рассыпанной прямо на полу картошки. Какая красота! Столько игрушек!

– Мы привезли ее из Покатиловки вместе с «мебелью». Все лето выращивала на огороде. Ты и это помнишь, сынок? – удивилась мама через много-много лет после тех событий...

Поиграть новыми «игрушками» не дали. Картофель был сырой и грязный. Меня отмыли и, несмотря на протесты, отправили к моим поленьям.

Вскоре обнаружил большое-пребольшое окно с широким подоконником. Я взобрался на подоконник и обомлел – впервые передо мной предстала пропасть (нас тогда поселили на втором этаже институтского корпуса). Было страшно, но интересно. Меня обнаружили и ссадили с подоконника, строго-настрого запретив даже подходить к окну. Не знаю, сколько вре-

мне действовал тот запрет, но очень скоро подоконник стал моим любимым местом – моим наблюдательным пунктом...

С первых же дней в нашей «квартире» появился гер Бехтлов. Под его руководством несколько немцев быстро перегородили комнату пополам, а в одной из них сделали небольшую кладовую, куда поместили подсохший картофель и другие продукты.

Я с интересом наблюдал за «строительством», а к моим «игрушкам» добавились обрезки строганных дощечек и много вкусно пахнущей стружки. В словах немцев появилось знакомое слово «киндер», а вскоре и совсем новое «пуппи». Быстро понял, что этим словом называют меня.

– Не Пуппи... Я Толик... Я не Пуппи, – тут же разъяснил немцам, как меня зовут.

– Яа, яа... Пуппи, – заулыбались они, услышав знакомое слово. Так появилось мое новое имя, которым меня звали в лагере те из немцев, кто не знал моего настоящего имени...

Какое-то время меня опекал только гер Бехтлов. С ним я впервые вышел за двери нашей квартиры. Помню, мы долго шли по длинному-длинному коридору, потом поднялись по лестнице на этаж выше. Та лестница показалась мне непреодолимым препятствием, и, в конце концов, мой опекун не выдержал и взял меня на руки. Так на его руках я и попал в одно из помещений, где стояли двухъярусные солдатские койки, а на табуретах сидели люди.

Меня посадили на верхнюю койку, и я заплакал от страха. Раздался дружный смех, а в хоре голосов послышалось знакомое: киндер, киндер...

Меня пересадили на нижнюю койку, и со всех сторон ко мне вдруг потянулись руки, в которых что-нибудь было: печенье, кусочек сахара, деревянная игрушка. Я брал, внимательно осматривал и клал подарок рядом с собой.

– Данкэ... Данкэ, – повторял и повторял гер Бехтлов, пока я принимал подарки. А вскоре, рассмотрев очередную игрушку, и сам сказал:

– Данкэ, – вызвав бурю восторга у новых знакомых...

Как только ремонт в квартире был завершен, появилась бабушка Крестная. Возможно, она бывала у нас и раньше, но впервые в мое поле зрения она попала лишь после нашего возвращения в Харьков. С той поры уже не столько мама, сколько бабушка следила, чтобы я был одет, как надо, вовремя накормлен и вовремя уложен спать.

В свободное время я, в основном, играл своими нехитрыми деревянными игрушками. Нередко отец разбирал свой пистолет и давал мне его в разобранном виде. Подражая ему, я насухо протирал все детальки ветошью. Это у меня получалось хорошо. Назначения оружия я не знал. Для меня те железки, как называла их Крестная, были обычными игрушками, которые расставлял и перемещал по полу, как хотел.

Жизнь в лагере была довольно однообразной. Просыпался рано, вместе с пленными – утром нас будили звуки своеобразного колокола, сделанного из куска рельсы. Если не хотелось спать, забирался на подоконник и смотрел в окошко, наблюдая, как немцы умывались во дворе у целого ряда рукомойников, закрепленных на длинной доске.

Позже видел, как они строились в колонны, и начиналась переключка. Немецкие офицеры стояли отдельной колонной. Что-то, непонятное мне, долго говорил наш офицер, а немцам его речь переводил гер Бехтлов.

Потом немецкие офицеры уходили в здание, а рядовые солдаты строем шли в другой двор, где их рассаживали по машинам. В машины садились охранники с автоматами. Немцев увозили на работы. Возвращались они только вечером.

А офицеры вскоре выходили во двор. Некоторые раздевались по пояс и делали зарядку. Другие играли в городки. Часть офицеров играла в шашки, или шахматы. Затем они снова

уходили на какие-то занятия, которые проводили наши офицеры. И так проходил весь день немецких офицеров.

Вечером лагерь вновь оживал. Возвращался с работ рядовой состав. После ужина для меня начиналось самое интересное. Люди отдыхали. Они играли на губных гармошках, пели песни...

И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом...

В нашем лагере гер Бехтлов был, как и Крестная, тем человеком, которому родители спокойно доверяли заботу обо мне. В раннем детстве по лагерю я ходил, в основном, с ним. Мой немецкий наставник исподволь привил мне азы немецкой культуры. С тех дней моей лагерной жизни и до сих пор, я никогда ничего не бросаю на пол, или на землю. Только в урну, а если нельзя, прячу в кармашек, чтобы выбросить потом в разрешенном месте.

Он научил меня есть по-немецки, никогда ничего не оставляя в тарелках, вычищая их до блеска кусочками хлеба. Он приучил быть аккуратным во всем. Все пуговицы на моей одежде должны быть всегда застегнутыми. Я всегда должен быть причесан. И многое в таком же духе.

Мы с ним много общались. Двуязычным я стал, исключительно благодаря геру Бехтлову. Он досконально разъяснял любую мелочь, причем, до тех пор, пока ни убеждался, что я все понял правильно. Я так и не узнал его звания, но, думаю, он не был рядовым солдатом. Не был он и офицером.

Немцы скучали по детям, и я сразу стал всеобщим любимцем. Мне дарили сахар, печенье, губные гармошки и самодельные деревянные игрушки: свистки, свирели, фигурки лошадок и, наконец, десять маленьких головок, надеваемых на пальцы. Несколько из них сохранилось до сих пор. Головки были вырезаны очень искусно, и символизировали людей разных национальностей. Национальности легко угадывались по характерным чертам: это русский, это немец, это китаец и так до девяти.

Десятая головка была с секретом. Она выделялась необычным горбатым носом и странной улыбкой, а ее лысый лоб венчали два бугорка. Бугорки легко трансформировались в маленькие рожки, прятавшиеся в специальных отверстиях. Рожки вскоре потерялись, а отверстия я залепил пластилином. То был Мефистофель – некая таинственная личность, о которой, сколько ни спрашивал, так никто ничего и не рассказал.

Уже лет с пяти мне позволяли самостоятельно перемещаться по всей территории лагеря, включая зону. В том ограниченном мирке, казавшемся таким огромным, я чувствовал себя комфортно в любом месте. Сторожевые вышки, ряды колючей проволоки, солдаты охраны и колонны пленных немцев – все это навсегда врезалось в память...

– Вышки, сынок, были только в Покатиловке. В институте их не было. Ты все перепутал, – сказала как-то мама. Я не стал спорить, потому что готов даже показать, где они стояли. Я вижу их очень отчетливо еще незамутненной детской памятью. Впрочем, как и все, что было тогда...

Немцы всегда улыбались, весело шутили, но никогда не насмехались и не обманывали меня, даже в шутку, как наши солдаты. Многих пленных я знал не только в лицо, но и по фамилии, а то и по имени. Мое немецкое имя Пуппи (Куколка) мне не нравилось, а моего настоящего имени многие немцы, похоже, не знали.

– Пуппи! Ком цу мир, – приглашал меня подойти кто-нибудь из солдат, едва я входил в любое из помещений, где находились пленные, – Битэ, – подавал он мне кусочек сахара или самодельную игрушку.

– Филен данк, – благодарил его за подарок.

А из другого конца помещения уже неслось очередное призывное: «Пуппи!» Кто-нибудь из сидящих на табуретах, сажал меня к себе на колени, и мы слушали импровизированный

музыкальный номер, исполняемый на одной, а то и сразу на нескольких губных гармошках. А иногда солдаты, надев вместо пилоток смешные шляпки с перышками, пели необычные песни. Слушая удивительные переливы их голосов, я громко смеялся от восторга. Лишь через несколько лет, уже вне лагеря узнал, что слушал тирольские песни.

Мне нравились мои немецкие друзья, а особенно гер Бехтлов. Он единственный понимал меня, когда в разговоре я, не задумываясь, смешивал русские и немецкие слова. Он тут же все повторял, но по-немецки, без русских слов.

– Варум? – часто спрашивал его, и он терпеливо отвечал на многочисленные вопросы маленького «почемучки». Именно гер Бехтлов несколько лет нашей дружбы открывал мне окружающий мир...

– Ауф штейн! Штильге штанген! – командовал унтер-офицер и все, включая меня, вскакивали и вытягивались в струнку, держа руки на бедрах. Входил немецкий офицер. Офицеры – такие же пленные, как и рядовой состав, но немецкий армейский порядок есть порядок. И я это понимал и принимал как должное.

Мне нравился немецкий порядок. Мне нравились немецкие офицеры – строгие и недоступные. С ними нельзя было заговорить первым, можно лишь отвечать на их вопросы. Они почти не говорили со мной, как рядовые солдаты, зато часто одобрительно похлопывали по плечу. В моей памяти они остались ухоженными и аккуратными людьми в красивой форме.

Но больше всех мне нравилась летчики Люфтваффе. У них была самая красивая форма. К тому же только они угощали необычным лакомством – шоколадом. Иногда они предлагали сначала полетать, и когда соглашался, подбрасывали к потолку и ловили у самого пола. У меня захватывал дух, было немножечко страшно, но я не плакал, а наоборот – громко смеялся от необычных ощущений. Летчики тоже смеялись и говорили, что я непременно буду русским летчиком. Что такое быть летчиком, я не знал и, как всегда, засыпал вопросами гера Бехтлова.

– Если станешь летчиком, будешь, как они, сильным, ловким, в красивой форме, – отвечал тот, – А главное, будешь летать в небе, как Ангел.

Похоже, именно тогда зародилось смутное желание летать...

Наши офицеры, как и немецкие, никогда со мной не говорили. А из охраны лагеря со мной дружил лишь дядя Вова Макаров. Он был сержантом. Это, правда, я узнал позже, когда расспрашивал его о подробностях нашей лагерной жизни. Наши семьи дружили с тех самых времен и вплоть до смерти моего отца и самого дяди Вовы. Война застала его, шестнадцатилетнего мальчишку, на отдыхе в деревне, куда его отправили родители-ленинградцы. Он попал в партизанский отряд, и воевал до тех пор, пока наши не освободили район дислокации отряда. Самым сильным впечатлением войны был эпизод, когда он, мальчишка, пытался переплыть какую-то довольно широкую реку, а по нему просто так, ради забавы, немцы вели прицельный огонь из пулемета. Они смеялись, шутили, и стреляли, отсекая его то от одного, то от другого берега. Он тогда чуть ни утонул, но глубоко нырнул и под водой все же ушел от обстрела. А когда вернулся в Ленинград, узнал, что его родители погибли в блокаду. Других родственников у него не было, и он ушел добровольцем на фронт. Воевал до Победы, а потом остался на сверхсрочную службу. Так дядя Вова оказался в лагере.

Дядя Вова люто ненавидел немцев. Но в лагере я этого не замечал. Правда, он всегда запрещал брать что-либо у офицеров, когда те угощали, и очень сердился, когда я не слушал его и поступал по-своему. Но мне нравился шоколад, а больше никто не мог дать ничего подобного. Тогда не было никаких конфет и других сладостей. Конфеты-подушечки я впервые попробовал в пятьдесят первом году, когда мне было почти семь лет, и мы уже жили не в лагере.

Жена дяди Вовы – тетя Нина Неженец – работала в лагере переводчицей. Ее родители были известными учеными и жили в Харькове. Оба имели профессорские звания и возглав-

ляли кафедры в Харьковском сельскохозяйственном институте. Тетя Нина в семнадцать лет ушла добровольцем на фронт и прошла всю войну. Она служила в штабах разного уровня, а поскольку великолепно знала немецкий язык, участвовала в допросах «языков» и пленных немцев. В конце концов, она оказалась в лагере немецких военнопленных, размещенном в ее родном городе. Ей нравилось, когда я говорил с ней по-немецки. Но если рядом был дядя Вова, говорить надо было только по-русски...

Мне было пять лет, когда нас переселили в двухэтажный домик на территории лагеря. Здесь был маленький дворик, в котором росла гигантская акация и несколько больших кустов сирени. Но в той квартире мы прожили меньше года.

А за несколько месяцев до того, как заболел и больше не вернулся в лагерь, у меня появилась подружка Любочка – дочь переводчицы и охранника лагеря. Они были новенькими в лагере, их поселили в соседней квартире нашего домика.

У Любочки была огромная кукла, у меня – деревянные самодельные игрушки. Она научила меня игре в дочки-матери, я же никаких игр не знал, поэтому учил ее немецким словам. С ее мамой говорил в основном по-немецки, и очень удивлялся, почему Любочка не понимает, что говорит ее мама и немцы, которые иногда заходили в наш дворик посмотреть на нас. Я ежедневно навещал своих друзей-немцев, живущих в зоне, но Любочку туда не пускали.

Мы покинули лагерь, когда мне исполнилось шесть лет, то есть когда как личность я вполне сформировался. И теперь не только внешностью и знанием языка, но и характером больше напоминал немецкого ребенка, чем русского. Все последующие годы я сам и окружающие с большим трудом ломали этот характер...

Из лагерной среды, где меня окружали лишь взрослые, я попал в обычный городской двор послевоенной поры, где господствовала шпана и почиталась сила. Даже для сверстников я был чужаком, которому еще предстояло доказать, чего стоишь. Я же держался особняком, предпочитая независимость, и довольно скоро настороженность дворовых ребят сменилась откровенной враждебностью.

Как-то в канун Первомая пятьдесят второго года я стоял у дома и смотрел, как украшали здание общежития «Гигант». Только что вывесили гигантское панно, на котором красовалась четверка вождей Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин.

– Карла Маркс, Федорыч Энгельс, Ленин, Сталин, – неожиданно остановился около меня второгодник Тимоха, сын дворника из этого общежития.

– Не Карла, а Карл и не Федорыч, а Фридрих, – поправил его.

– А ты откуда знаешь, малявка? – возмутился Тимоха, – В школу не ходишь, а учишь старших.

– Знаю... У них немецкие имена. Они немцы, – сообщил ему очевидную для меня истину.

– Кто?! Маркс и Энгельс немцы?! – схватил меня за грудки десятилетний крепыш, – Сам ты фашист! – крепко стукнул меня тупой второгодник.

Тогда удалось вырваться и убежать. Но я легко представил, что было, если бы весь наш двор узнал о моих друзьях-немцах.

С тех пор, кроме моей новой подружки Любочки, я больше никому не рассказывал о своей жизни среди немцев. Это стало моей тайной.

Лишь через два десятка лет от скуки и под настроение разоткровенничался и рассказал своему армейскому другу Жене Иксанову кое-что о жизни в лагере военнопленных и наиболее памятных событиях детства.

А начал с эпизодов, которые вызвали у меня приступы жуткого страха. Я помню их необыкновенно отчетливо, вместе с пережитыми ощущениями. Они часто всплывали в моих снах, особенно в детские годы, и я просыпался от ужаса, весь в слезах.

Первый эпизод связан с концертом, который давали немцы в честь какого-то праздника. Сцена была сооружена во внутреннем дворике нашего лагеря, и я смотрел представление прямо из окошка второго этажа здания института. Выступали два немца с куклой-марионеткой. Один немец спрашивал куклу, а она, к моему изумлению, сама ему отвечала. Кукла, разумеется, после этого представлялась мне живой девочкой. Вместе со всеми я громко смеялся и даже переводил кое-что отцу, слабо знавшему язык. Но вот номер завершен, и девочку, к моему ужасу, свернули пополам, потом еще раз пополам и положили в чемодан.

Раздались аплодисменты, а я закричал от страха. Я живо представил, как плохо этой изуродованной девочке в тесном чемодане. Знакомые немцы слышали мой плач и возмущенные крики. Из сбивчивых объяснений сквозь слезы, они все поняли, быстро пообщались с артистами, и куклу моментально извлекли из чемодана. Она ушла за кулисы самостоятельно.

Чуть позже отец отвел меня к артистам. Те показали куклу, дали ее потрогать и даже продемонстрировали, как говорят за нее. Но я тогда не очень им поверил. И страх затаился в глубинах подсознания.

Второй эпизод связан с прохождением мимо лагеря механизированной колонны. Как-то раз я услышал нарастающий грохот и скрежет. Выглянул в окошко и увидел много движущихся огромных, невиданных чудовищ, из которых сзади выходил черный дым, а снизу сыпались искры. Вскоре наш маленький домик уже сотрясался, как при легком землетрясении. Я испугался и заплакал, мама взяла на руки, и попыталась успокоить. Меня вынесли на улицу.

Я увидел, что отовсюду из тех чудовищ выглядывали люди, и что-то громко кричали, размахивая руками. От некоторых уже осталась одна голова, торчащая прямо из пасти. Совсем недавно мне прочли страшную сказку о драконе, из которого шел огонь и дым, и который ел людей. Я не представлял, как выглядит дракон из сказки, но то, что видел, было очень похожим. И этих драконов много! Мне было страшно, и я удивлялся, что мама их не боится и даже улыбается. Помногу успокоился и стал смотреть. Но все равно продолжал бояться.

А вдоль забора из колючей проволоки стояли немцы и хмуро смотрели на драконов. Я никогда не видел их такими. Они всегда были веселыми. Тогда подумал, что они тоже боятся драконов.

Подошел папа, взял меня у мамы и сказал:

– Не бойся, сынок, это наши танки.

Я не знал, что такое танки, но зато понял, что это не драконы. Папа их тоже не боялся и улыбался, как и мама. Тогда я совсем перестал бояться и крикнул немцам:

– Не бойтесь, это наши! – я не знал, как по-немецки сказать «танки», и потому просто кричал им, – Это наши! Это наши! Не бойтесь!

Но они все равно боялись. А один строго посмотрел на меня и сказал:

– Ты глупый ребенок.

Я не понимал, почему он так плохо сказал обо мне, а другого ребенка здесь не было.

И от обиды закричал ему:

– Я не глупый! Я не глупый!

А папа, который тоже ничего не понял, спросил:

– Что ты им все кричишь, сынок?

Я не успел ответить, потому что мой друг, гер Бехтлов, громко сказал тому немцу:

– Он не глупый – он маленький! – махнул мне рукой и засмеялся.

Другие немцы тоже стали улыбаться и даже смеяться. И я обрадовался, что немцы перестали бояться наших танков.

Колонна шла долго, около часа. Я и сейчас, как наяву, вижу те стальные машины. Они были не такими, какие потом видел на парадах. Они были серыми от пыли, некоторые – с вмятинами от снарядов, и все с огромными железными бочками, закрепленными на броне.

Когда через много лет расспросил об этом эпизоде отца, он сказал, что то были колонны той самой техники, которая с боями дошла до Германии и находилась там до замены. Это ему рассказали охранники лагеря, которые все узнали у танкистов, перегонявших тогда те танки и самоходки прямо из Германии на новое место дислокации.

Мне стало понятно, с какими чувствами тогда смотрели на нашу технику пленные немцы. Многие из них наверняка видели что-то подобное из своих окопов. Ведь все они были вражескими солдатами. Многие помнили, как эти чудовища несли смерть и страдания их друзьям, угрожали их жизням. И вот они видели то самое оружие, с помощью которого были разгромлены их войска и оккупирована их страна. А они, после всего этого, вынуждены годами жить в плену, в чужой стране, без семьи, в полном неведении перспектив...

Когда рассказывал Жене о жизни в лагере, тот иногда спрашивал, как я воспринимал пленных немцев – как добрых дядей, которые баловали меня, или как бывших, но все-таки врагов. Мне всегда было трудно ответить на этот вопрос. Я сам часто задавал его себе, особенно в детские годы, когда мы уже переехали из лагеря. Только тогда я впервые увидел людей, обездоленных войной. По улицам катались на тележках инвалиды без ног. Часто встречались люди на костылях, и люди без одной, а то и без обеих рук. Как ни странно, но в то время я не встречал унылых людей. Все, даже инвалиды и нищие, были бодрыми и часто улыбались, а то и громко смеялись. Это было время нашей Победы, время надежд, время оптимизма.

Я повсюду видел следы той страшной войны. Город все еще лежал в руинах. А надписи на многих домах, типа «Мин нет» или «Мин не обнаружено», сохранились даже в то время, когда я пошел в первый класс.

Но дело в том, что я никогда не видел ничего другого. Когда родился, все уже было именно так, а не иначе. Я просто не знал, как это – иначе. Поэтому для меня такой вид города казался обыденным, привычным – нормальным. Он меня не удивлял и не поражал.

Но постепенно все же начал понимать, что немцы живут в лагере не по своей воле. Они за что-то наказаны. Причем, наказаны даже их офицеры, которые были вроде бы сами по себе. Правду об этом мне рассказал дядя Вова. Он сказал, что немцы разрушили наши дома, они убили много людей. За это они находятся здесь. Они ремонтируют дома и строят дороги. Когда все сделают, их отпустят домой. Что такое «убить много людей», я не понимал, потому что еще не имел никакого представления о смерти. За всю мою маленькую жизнь я не видел мертвых и не слышал, чтобы кто-нибудь умер. А вот разрушенные дома видел.

И вечером стал допытываться у немцев, зачем они сломали наши домики. Их ответ удивил. Немцы сказали, что город разрушили наши солдаты, а они его защищали. Когда поделился этим открытием с отцом, тот не удивился. Он был участником Курской битвы и освобождения Харькова. Да, наши бомбили город, где были немцы... В голове образовалась каша. Я не стал ничего говорить дяде Вове, потому что авторитет отца был выше. А потом просто забыл об этом, потому что возникли другие вопросы. Меня, например, удивляло, почему солдаты работают, а офицеры нет.

Гер Бехтлов посмеялся над моим вопросом. Он ответил, что так было и так будет всегда. Офицеры приказывают, а солдаты выполняют. А сейчас приказывают ваши офицеры, а наши без работы. Но работать они не будут, потому что им нельзя. Очередная порция каши для моей головы.

Я видел, что немецкие офицеры одеты гораздо лучше своих солдат. У них красивая форма. Они всегда чистые и аккуратные. Даже наши офицеры выглядели на их фоне гораздо скромнее. Мне иногда казалось, что немецких офицеров боялись не только немецкие солдаты, но и наши. Любые приказы немецких офицеров исполнялись беспрекословно. Причем, не только немецкими солдатами, но и нашими, когда им переводили суть приказа.

Я изводил своего немецкого друга самыми разными вопросами. Он часто смеялся над ними, но всегда очень пунктуально отвечал, стараясь, чтобы я все понял правильно. Как-то спросил его, а если офицер прикажет солдатам делать то, что им не хочется. Он ответил, что делать все равно надо, даже если не хочется. Вот сейчас солдаты пришли с работы, грязные и уставшие. Унтер-офицер приказал им почистить одежду и привести себя в порядок. И все солдаты заняты исполнением его приказа. Их можно не проверять – они все исполняют хорошо. Но он обязательно проверит. Это его работа. «Так было и так будет всегда», – этой фразой любил завершать свое любое объяснение мой главный немецкий друг.

Мне нравились немецкие офицеры, им хотелось подражать. Мне нравился немецкий порядок. Солдаты никогда не сидели на койках, а только на табуретах. Если они раздевались для умывания, их одежда всегда лежала рядом аккуратно свернутая, а не брошенная как попало, как у наших солдат. Они и в плену вели себя так, как их приучили в немецких казармах немецкие офицеры. В немецких офицерах чувствовалась порода. Они не были надменными, как их иногда изображали в некоторых наших фильмах. То были интеллигенты в форме – военные профессионалы, чьей работой была война.

Нет, в лагере у меня не было неприязни к немцам, находившимся в плену. Отношение к немцам и к войне стало меняться постепенно, когда уже жил вне лагеря. А в лагере мы жили в каком-то искусственном, защищенном мире. По крайней мере, мне так показалось.

Первое время я скучал по лагерю и моим друзьям-немцам. Иногда снился наш домик в лагере за колючей проволокой, и я просыпался счастливым.

И вот однажды мы с Людочкой совершили большой поход. Я часто рассказывал подружке про лагерь, где когда-то жил, про моих немецких друзей, которые подарили те самые игрушки, в которые мы с ней играли. Мне очень хотелось увидеть всех, кого уже не видел больше года. Я знал, как дойти до лагеря. Это было не очень далеко от нашего дома. Но не знал, пустят ли меня в лагерь. Ведь столько времени прошло. Может, и самого лагеря давно нет.

Лагерь оказался на месте. Вход в зону теперь был у нашего бывшего домика. Смело подошел к вахтеру, стоявшему на посту у входа.

– Стой! Куда идешь? – строго спросил вахтер. Я его никогда не видел. Значит, новенький.

– Я Толик. Я здесь жил. У меня здесь живет подружка Любочка. Вон, в том домике. И мои друзья немцы. А еще дядя Вова Макаров здесь работает. Я хочу их увидеть и показать моей сестричке Людочке, – сказал ему.

– Старшины Макарова сегодня не будет. Никакая Любочка здесь не живет. Здесь вообще никто не живет. Это поликлиника. И какие у тебя могут быть друзья немцы, мальчик? Они наши враги. Иди отсюда, – подвел итог вахтер. В это время я увидел знакомого немецкого солдата.

– Ганс, – позвал его, – Я Толик. Мне нужен мой друг – гер Бехтлов. Позови его, пожалуйста, – крикнул ему по-немецки. Заслышав немецкую речь, вахтер в недоумении уставился на меня.

– Ты говоришь по-немецки? – удивился он, – Все равно нельзя. С ними вообще нельзя разговаривать, особенно посторонним. Иди отсюда, – окончательно рассердился вахтер. Немец не понимал, что он говорит, но, подойдя, терпеливо ждал.

– Ганс, позови вашего офицера, пожалуйста, – попросил его, зная, что наши солдаты не ссорятся с немецкими офицерами. А вот немецких солдат они не уважают, хотя, по-моему, солдаты лучше.

– Яволь, гер Толик, – улыбнувшись мне и Людочке, сказал Ганс и, махнув на прощанье рукой, быстро скрылся в огромном здании института.

Минут через десять к нам вышел немецкий офицер. Я его помнил и по давней привычке вытянулся по стойке смирно, снова удивив вахтера. Он поворчал для порядка, но все же пропустил нас с Людочкой в зону к офицеру и закрыл за нами калитку.

– Я помню тебя, мальчик, – улыбнулся офицер, и, как обычно, похлопал по плечу, – Гер Бехтлов уже в Германии. Скоро мы все уедем отсюда. А солдаты на работе. Я скажу им, что ты приходил. Они будут рады. А это твоя сестричка? – улыбнулся он Людочке.

Я взглянул на Людочку и увидел, что она испуганно смотрит на немца. Да и как не испугаться, увидев вблизи настоящего немецкого офицера в невиданной форме, затянутого в португую с кобурой для пистолета, да еще говорящего что-то непонятное на незнакомом языке.

– Так точно, господин офицер. Ее зовут Людочка, – отрапортовал офицеру, – Не бойся. Он просто спросил о тебе. Я сказал, что тебя зовут Людочка, – пояснил «сестричке» смысл нашего разговора с офицером.

– Я не боюсь, – сказала Людочка, с опаской поглядывая на офицера.

– Подожди меня, мальчик, – сказал офицер и быстро ушел.

Вахтер больше не гнал нас. И я с удовольствием показывал Людочке мои бывшие владения.

Минут через пятнадцать офицер снова вышел к нам. Он протянул Людочке маленькую фарфоровую куклу и шоколадку:

– Это кукла моей дочери. Она всегда была со мной. Пожалуйста, девочка, – «сестричка» посмотрела на меня. Я кивнул, и она взяла подарок офицера, – Скоро я увижу мою дочь. Она уже выросла, и кукла ей не нужна, – пояснил офицер. Я перевел Людочке слова офицера.

– Спасибо, – поблагодарила Людочка. Я перевел, добавив от себя привет его дочери от нас с Людочкой.

– Пожалуйста, мальчик, – подал он шоколадку и мне. Я поблагодарил. Вдруг он открыл кобуру, вытащил оттуда пистолет и протянул его мне, – Вот и все. Конец войне, – улыбнулся он.

Я давно знал, что некоторые немецкие офицеры носили игрушечные пистолеты из дерева. Они лишь выглядели, как настоящие, а были для того, чтобы кобура не выглядела пустой, некрасивой.

Но я увидел, что Людочка испугалась. Неожиданно испугался вахтер и в панике схватился за оружие. Похоже, как новенький, он не знал, что у немца пистолет не настоящий. Я тут же ему все объяснил. Вахтер рассмеялся. Людочка успокоилась.

Я еще раз поблагодарил офицера и вахтера, и мы с Людочкой навсегда покинули лагерь немецких военнопленных.

Брат мой Сашка

Как-то раз к нам, уже на новую квартиру, впервые заехал мой брат Сашка. Приехал не один, а с напарником. Они свалились, как снег на голову, без предупреждения, поздним вечером.

Пока жена спешно готовила импровизированный ужин, я «развлекал гостей».

Выяснилось, брат бросил работу художника во Дворце Студентов. И теперь ехал на заработки в Поволжье. Собственно, даже не на заработки, а в поход по деревням в поисках желающих по любой старой фотографии сделать увеличенное обычное или даже цветное, точнее, раскрашенное фото. Собранные заказы они должны отвозить в Харьков, а затем готовую продукцию развозить заказчикам. Работа нелегальная и на сленге называется «фотовольна».

– Санька, неужели тебе это интересно? – спросил брата, удивленный его очередным кульбитом. Хотя если разобраться, он удивлял постоянно, с самого детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.